

ЭКОНОМИКА

Тернистый путь инноваций в политэкономии XXI века

В. И. Пефтиев

В поисково-постановочной статье сформулированы авторские позиции о путях обновления политэкономии в контексте кризиса глобализации и фрагментации экономических концепций.

Ключевые слова: кризис глобализации, фрагментация экономических концепций, обновление политической экономии, многовекторность, совместимость, прагматизм концепций, методологические метафоры.

Thorny Way of Innovations in Political Economy of the XXI century

V. I. Peftiev

In the research-production article author's positions about ways of updating of political economy to a context of crisis of globalisation and fragmentation of economic concepts are formulated.

Key words: globalisation crisis, fragmentation of economic concepts, political economy updating, multivectorness, compatibility, pragmatism of concepts, methodological metaphors.

Начнем презентацию заявленной темы с интерпретации смысла каждого слова в заглавии статьи. «От терний к звездам» – это не только и не столько поэтико-музыкальный образ, сколько бытие, способ существования для подлинных тружеников науки. Сказанное не является преувеличением для созидателей и реформаторов политэкономии. В эту плеяду навечно вписаны Ф. Кенэ и А. Смит, Д. Рикардо и К. Маркс, основоположники маржинализма и Ф. Лист (родоначальник трех поколений немецкой исторической школы), Дж. М. Кейнс и Т. Веблен (патриарх всех ветвей институционализма), лауреаты Нобелевской премии по экономике. Каждый из них – самобытно и в свое время – оставил яркий след в истории экономической мысли, преодолев жизненные невзгоды, сомнение невежества, критику оппонентов, идеологические пристрастия и клановые интриги. И для обновления политэкономии в XXI веке потребуются не меньшие подвиги на стезе науки, чем в прошлые века, так как новаторам придется творить в эпоху методологической смуты, фрагментации экономических концепций и в контексте кризиса глобализации [25].

Слово «инновация» на слуху у многих; его употребление стало привычным в устах политиков, ученых, менеджеров. Кое-кто даже верит в магический эффект от любого новшества. Между тем на деле ситуация прозаичнее и сложнее, ибо каждая эпоха вносила свои нюансы в значения

И, как старые люди, мы все переживаем свое прошлое, не в силах ни выплюнуть, ни проглотить.

Петер Эстерхази (Венгрия) этого и близких по смыслу слов. Ж. Б. Сей предложил лаконичную, но емкую формулу: экономика – это изменчивые комбинации факторов производства (земли, труда и капитала). Почин подхватил в первой трети XX века великий «еретик» в экономической науке Й. Шумпетер. В книге «Теория экономического развития» (прижизненные издания 1911, 1926, 1934, 1937 гг.) он существенно расширил список новшеств (изготовление, внедрение, освоение новых продуктов и технологий, новые рынки сбыта, формирование спроса на конечную продукцию и полуфабрикаты, реорганизация производств и фирм); подчеркнул наличие риска, сопряженного с отсутствием устойчивого коммерческого успеха от создания и внедрения инноваций. Открытием Й. Шумпетера стало обнаружение в инновациях сложного баланса приобретений и потерь, то есть феномена «созидательного разрушения» [22]. Современные экономисты не устают подчеркивать, что прочные инновации требуют долгосрочных инвестиций, иногда внушительных.

Применительно к политэкономии (сердцевине общей экономической теории) инновация – это обоснование новой концепции (чаще в виде гипотезы, подлежащей верификации) или переформулировка давно бытующей концепции (кристаллизация неизвестного в известном). Концепция обычно предстает как совокупность определений заглавного понятия, смежных и сопряженных с ним понятий. Она (концепция) должна да-

вать базовую систему взглядов на конкурентную проблему или феномен. Не сразу концепция становится событием экономической мысли; иногда она может не выходить за рамки методологической метафоры (пусть и развернутой) или содержать эклектический набор наблюдений и фактов. Многое зависит от смены места и инструмента наблюдения, а также от позиции самого наблюдателя [14].

Воспользуемся пояснениями философов по поводу методологической метафоры и эклектики. **Метафора** (с гр. *metaphora* – ‘перенос’) – перенесение на данный объект (предмет, явление) характерных признаков другого объекта (предмета, явления). В истории экономических учений метафоры использовались неоднократно: «невидимая рука рынка» (А. Смит), «общественная формация» (К. Маркс), «сетевая экономика» (М. Кастельс) и др. В метафоре философы видят чувственно-наглядный образ в индивидуальном сознании. Метафора полностью вербально невыразима, непереводаема обычными словами. Она вкладывает новый смысл в старые слова. Методологическая метафора познавательна только на фазе выдвижения и становления гипотезы; с ее помощью нельзя доказать гипотетическое утверждение. Но метафора присваивает незнакомому явлению первоначальное имя. «Через имя, – утверждает Гегель, – предмет рожден изнутри Я как сущее. Это – первая творческая сила духа» [7]. Не заслуживает уничижительного отношения к себе и эклектика, ибо она должна восприниматься как начальная и неизбежная ступень формирования интегративного, то есть концептуального знания. Об этом убедительно писал в своем философском этюде (1877) В. С. Соловьев [20].

Представим авторское видение экономической науки XXI века и императивы ее обновления. Серьезные основания для отторжения новаций в самоназвании (социальная экономика, теоретическая экономика, социально-рыночное хозяйство, экономикс) отсутствуют. За изменением названия науки обычно стоят веские мотивы: смена поколений ученых; национальные различия и лингвистические предпочтения; дискуссии относительно предмета и задач науки и др. Главное не в словесной идентификации, а в совместимости (хотя бы частичной) содержательного поля исследований. Автор остается сторонником традиционного термина «политическая экономия», предложенного почти 400 лет тому назад проницательным Антуаном де Монкретьеном. Его неоспоримое достоинство заключается в органиче-

ском единстве экономики и политики. Глобализация придала этому единству второе дыхание. Новая политическая экономия вберет в себя все непреложное из истории экономической мысли, найдет основания для сотрудничества со смежными науками, прежде всего социогуманитарного профиля. В политэкономии XXI века главной фигурой станет не «чистый» политэконом, отстраняющий себя и других от жизненных схваток и событийной «пыли», а ученый с задатками публициста, прагматика (организатора) и педагога [26].

По стилю изложения статья относится к жанру эссе, популярному во Франции и чужому в России. В эссе доминируют личные, субъективные размышления и наблюдения, но без неконтролируемых эмоций, запальчивой полемики. Знатоки спорят о «блуждающей сущности» эссе, его загадочных очертаниях, о сплетении в эссе образа и понятия, о допустимости возвеличивания «Я» [8]. Автор заранее просит извинения у читателей за погрешности избранной манеры экспозиции судьбоносной проблематики новой политэкономии XXI века.

Начало XXI века – полоса затяжных концептуальных блужданий в экономической науке. Глубинные истоки современного методологического кризиса обнажит лишь масштабное и интенсивное погружение в историю экономической мысли. XIX век – «долгий век» для политэкономии, от Великой Французской революции (1789) и до Первой мировой войны. В первой половине XIX века политэкономия как молодая наука шла на подъем и была предметом всеобщего увлечения и даже моды. Тогда безраздельно господствовала классическая школа политэкономии, ее знаковые фигуры – Ж. Б. Сей (Франция) и Дж. Ст. Милль (Англия). Через поколение монополия классической школы была подорвана активным продвижением маржинализма в ведущих вузах Европы, а затем и бурным натиском историко-этического направления в Германии. И до сих пор исследователи-историки обнаруживают забытых экономистов XIX века, чьи труды, статьи, публицистика способствовали приращению знаний об экономике, ее законах и загадках. Если в XIX веке коллизии и дискуссии в среде экономистов имели научные основания, то XX век вызвал раскол и по идеологическим соображениям (марксизм и либерализм) – за или против революции трудящихся [27]? Отголоски этого раскола дают о себе знать и в наши дни.

Панорама экономической мысли постсовет-

ской России напоминает пейзаж после битвы с неясным исходом: победа или поражение? Ни одна из конкурирующих доктрин (марксизм, либерализм, этатизм, почвенничество) не избежала примет увядания. И этот процесс идет на фоне нескончаемого потока публикаций и многочисленных «круглых столов» по актуальным проблемам современности с приглашением зарубежных ученых и политиков.

Печальна судьба былого кумира СССР – марксизма. Ортодоксы (а их немало в вузах и НИИ при министерствах экономического профиля) ничего не забыли из догм эпохи безраздельного поклонения марксизму и ничему не научились, пройдя через горнило турбулентных 90-х годов ушедшего века. Концепция непосредственно общественного продукта, слышавшая новаторской в годы хрущевской «оттепели», находится сегодня в «замороженном» состоянии, без новых идей, фактов, аргументов. Не продвинулась вперед и теория трудовой стоимости из-за упорного отказа исследовать особенности ценообразования и присвоения прибыли в мировом и национальных хозяйствах. Из неомарксистов, с кем можно (очно и заочно) дискутировать, я бы выделил С. С. Губанова (журнал «Экономист»), А. В. Бугалина (МГУ), В. И. Корнякова (Ярославль), Б. Д. Бабаева (Иваново). Между тем марксизм и его наследие (марксоведы изучают записные книжки и экскерптные тетради К. Маркса 70-х гг. XIX века в рамках программы издания MEGA) при очевидной (после перестройки) неоднозначности неисчерпаемы, без всяких оговорок и протокольных любезностей. Почему бы неомарксистам не приступить к скрупулезному изучению отношений труда и капитала в эпоху глобализации и социально-рыночного хозяйства? Не потеряла актуальности и Марксова концепция отчуждения человека и труда в условиях фетишизации и виртуализации общественных отношений.

Не в лучшей ситуации оказались критики и оппоненты марксизма. Либерализм в России – течение экономической мысли спорадическое, без глубоких и прочных корней, и в чем-то даже экзотическое. Иначе и не могло быть при крепостном праве, жесткой цензуре, подавлении свободомыслия и противодействии идеям Западной Европы. И лишь в «серебряный век» (1881–1914) либералы смогли публично высказывать и защищать свои взгляды и рекомендации. Плановая экономика в СССР начисто отвергала даже робкие попытки активизации товарно-денежных отношений при подготовке хозяйственной реформы

1965 г. Рассеянные по стране либералы, при полном отсутствии практического опыта управления экономикой, не могли по определению предложить грамотные концептуальные и оперативные решения в годы перестройки (1985–1991). В 90-е гг. XX века либералы во власти погубили самонадеянность, романтизм и радикализм, этот причудливый симбиоз «детских болезней» либерализма в постсоветской России. Уход Е. Гайдара в тень (особая тема – мемуары и фундаментальный труд по экономической истории) оголил лагерь либералов. Цитаделью либерализма остается Государственный университет – Высшая школа экономики, его исследовательские институты и центры (патриарх российского либерализма – Е. Г. Ясин, бывший министр экономики при президенте Б. Ельцине, руководитель фонда «Либеральная миссия»).

Особая метка России – обилие «почвеннических» доктрин, сменяющих одна другую (славянофильство, народничество, евразийство). Высокая «цена» рыночных преобразований дала пищу ностальгическим поискам «державности». Проявления последней многообразны: идея богоизбранности; опора на собственные силы; имперский фатализм; тотальный патернализм; «большее государства во всем» и др. [5]. В этой сумятице здравого и мистического теряется любой образованный читатель, не склонный принимать на веру откровения постсоветских пророков. Приглашаем вдумчиво прочесть «непричесанные» мысли выдающегося российского историка В. О. Ключевского (1841–1911):

«Наш образованный класс ... начинает думать, что Россия сама по себе, а Европа сама по себе и мы можем обойтись без ее науки и искусства доморощенными средствами. Этот прилив патриотизма и тоски по самобытности так могут захватывать наше общество, что мы, обыкновенно неразборчивые поклонники Европы, начинаем чувствовать какое-то озлобление против всего европейского и проникаемся безотчетной верой в необъятные силы своего народа ... Такие пароксизмы заставляют думать, что в нашем отношении к европейской цивилизации есть какое-то крупное недоразумение» [10]. К застарелому мифу о «загнивании» Европы добавились в эпоху глобализации цивилизационные предубеждения и страхи по отношению к мусульманскому миру, ко всему «чужому».

Наблюдаемая фрагментация концепций среди экономистов-теоретиков, вопреки накалу страстей и взаимных обвинений, не является непре-

одолимым препятствием для достижения взвешенного согласия по заранее отобранному и подготовленному к обсуждению темам принципиального характера. Примирение доктрин предполагает соблюдение трех предварительных условий: а) поиск точек (поля) совместимости позиций участников дискуссии; б) многовекторность анализа экономики как объекта научного наблюдения и в) прагматизм исследований, соблюдение алгоритма: от плодотворной идеи к верифицируемой концепции и/или программе действий. Об этом – в заключительной части статьи.

Экономическая политика эпохи глобализации изобилует примерами отказа (полного или частичного) от непреклонной доктринальной ангажированности. Повсеместно принимаются меры, инспирируемые и рыночным либерализмом, и экономическим дирижизмом (государственное регулирование и превентивный надзор), при этом учитывается своеобразие истории, географии, экономики, политики и менталитета конкретной страны или региона. Глобальный кризис 2008–2009 гг. примирил (надолго ли?) защиту собственности и содействие конкуренции со скрытой национализацией банков, промышленных и страховых компаний и адресной государственной поддержкой оказавшихся на грани банкротства. Синкретизм («гибридность») антикризисной политики – веяние времени (эпизодически имело место и в стабильные годы) и повод для самокритических оценок в академической среде.

История экономической мысли дореволюционной России примечательна как с точки зрения противостояния научных школ (московской – А. И. Чупров и киевской – Н. Бунге), так относительно когорты экономистов, проявивших себя профессионалами в теории и эмпирике и предпочитавших не афишировать свои идейно-политические и доктринальные привязанности (А. Н. Миклашевский, П. П. Мигулин, А. М. Рыкачев и др.). Всей своей научно-публицистической деятельностью особый статус заслужил П. Б. Струве: в молодости легальный марксист, затем либерал (левый и правый) и почти всегда государственный, с отдельными великодержавными шатаниями в отношении Украины и Финляндии. Эти метаморфозы в позиционировании П. Б. Струве в тот или иной момент облегчали задачу его критикам, слева и справа, добросовестным и не очень. Но, по большому счету, в ретроспективе выясняется, что противоречия мыслей и высказываний П. Б. Струве более плодотворны для ума и истории, нежели однознач-

ная ясность, к которой стремятся популяризаторы и интерпретаторы. Аналогична и научно-политическая судьба Дж. М. Кейнса [21]. Методологический плюрализм еще проявит себя в недалеком будущем, если распрощается с путями и соблазнами доктринально-концептуального монизма. Успешный опыт уже имеется. Так, А. Олейник давно практикует исследования на «стыке» экономических и социогуманитарных наук. В статье для журнала «Вопросы экономики» он обращается к концепции «принципал-агент» (из арсенала микроэкономики, институционализма и эконометрики) и обнаруживает ранее неведомые источники рентных доходов (рента – фундаментальная категория политэкономии XIX века) в результате сложного взаимодействия государства и бизнеса в России [13].

Многовекторность в экономике вытекает из комплексной природы глобализации как исходного пункта любого политико-экономического анализа. Коль скоро о глобализации имеется необъятная литература разных жанров, то без всякого введения обозначим приоритетные, на наш взгляд, направления концептуальных поисков.

Первое направление – неоднородность экономического пространства в любом измерении (международном, национальном, региональном, отраслевом и продуктовом). Здесь имеет место поляризация его освоения (точки и зоны роста и «черные дыры»). Изучается пространство по плотности и разреженности присутствия хозяйствующих субъектов. Этой проблематикой занимается геоэкономика, идущая на подъем синкретическая наука. Для политологов и социологов важны механизмы формирования образа пространства («ментальные карты»). В лексикон политиков и администраторов прочно вошли такие инструменты управления пространством, как макрорегионы, кластеры, особые экономические зоны и др. [17]

Второе направление – истоки и особенности глобального кризиса 2008–2009 гг. Если обобщить уже имеющуюся литературу, то просматриваются следующие версии генезиса современного кризиса: одни ученые считают главным его очагом финансовую глобализацию с верховенством виртуально-фиктивного капитала над капиталом реальным; другие – ищут первопричины кризиса в трансформации структуры мирового хозяйства и глобального капитализма. Эта версия скорее разъединяет, нежели объединяет, ибо называются разные пусковые механизмы: отсутствие эффективного делового пространства для

капитала [1]; инновационная пауза [15]; несостоятельность современной модели капитализма [9]; гипертрофированное развитие сферы услуг, ее финансового и развлекательных сегментов [4]. За рубежом современный кризис чаще всего сравнивают с Великой депрессией США [24]. В России аналитики расширяют зону компаративной типологии: недавний кризис 1998 г.; эпизод эпохи Великих потрясений (2005–2017) [11]; продолжение кризисов, начатых в XIX веке (А. В. Бобровников) [23]. Большая группа ученых (Е. В. Балацкий, Ю. Пахомов, В. Попов и др.) призывает включить в поле исследований и цивилизационные факторы [2; 16].

И *третье* слагаемое возрождения политэкономии, адекватной реалиям XXI в., – прагматизм. Не счесть ученых, высказывающих обоснованную тревогу за состояние общей экономической теории. Озвучим лишь некоторые высказывания. Е. Балацкий без обиняков пишет о «теоретических пузырях», об утрате ведущими теоретиками своих позиций и авторитета, об отмирании института академической профессуры и о повышенном спросе на экспертов, аналитиков, специалистов [3]. Автор одного из классических учебников по экономике Н. Г. Мэнкью прямо обозначает вектор будущей эволюции экономической науки – «ученый инженер» [12]. А. Рубинштейн предельно самокритичен: «Я считаю, что как экономисту-теоретику мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций. Но есть реальное влияние на студентов и исследователей ... Да, я действительно считаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно?» [19]. К экономистам присоединяется и социолог С. А. Заглубский, который категоричен в ответе на вопрос о том, что важнее: процесс теоретизирования или его результат? Если есть ответы на вопросы современности, то это теория. Если наука не отвечает на них – значит, ее как бы и нет [6].

В статье автор выступает как транслятор и рецептор информации и проблем, накопившихся в политэкономии и ждущих своего решения, отрякаясь от пагубной традиции умозрительных конструкций, он завершает ее рекомендацией по освоению экономического пространства северных районов Ярославского края (Пошехонье, Любим, Данилов и др.). В долгосрочной схеме размещения производительных сил региона необходимо до 2030 г. предусмотреть включение Волги в перечень приоритетных ресурсов, развитие малой

авиации и малого флота с ускоренным строительством дорог (даже местных) к пристаням и аэродромам. Волга должна работать на Россию, ведь еще в 1908 г. министр путей сообщения Н. К. Шаффагаузер-Шенберг с удовлетворением констатировал: «Флот Волги и ее бассейна ... превосходит весь торговый флот (как речной, так и морской) Германии и Франции и превышает флот исторических русских рек» [18].

Примечания

1. Балацкий, Е. Наука, кризис и война [Текст] / Е. Балацкий // Свободная мысль. – 2009. – № 3. – С. 87–91.
2. Балацкий, Е. Рынок доверия и национальные модели корпоративного сектора экономики [Текст] / Е. Балацкий // Общество и экономика. – 2009. – № 2. – С. 59–80.
3. Балацкий, Е. «Теоретические пузыри» на рынке научных исследований [Текст] / Е. Балацкий // Общество и экономика. – 2009. – № 4–5. – С. 124–140.
4. Данилов-Данильян, В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике [Текст] / В. Данилов-Данильян // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 31–41.
5. Дубовцев, В. А. «Миссия великой империи» и «особая цивилизация»: державнические и почвеннические взгляды на русскую историю и современность [Текст] / В. А. Дубовцев // Социум и власть. – 2009. – № 1. – С. 36–41.
6. Заглубский, С. А. Что важнее: процесс теоретизирования или его результат? [Текст] / С. А. Заглубский // Социс. – 2009. – № 1. – С. 134–135.
7. Каськов, С. Н. Конвенция в метафоре и языке науки: эпистемологический подход [Текст] / С. Н. Каськов // Вестник Моск. ун.-та. Серия Философия. – 2009. – № 2. – С. 9–10.
8. Кайда, Л. Г. Эссе. Стилистический портрет [Текст] / Л. Г. Кайда. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 184 с.
9. Князев, Ю. О современной эволюции рыночной экономики [Текст] / Ю. Князев // Общество и экономика. – 2009. – № 4–5. – С. 98–102.
10. Ключевский, В. О. Неопубликованные произведения [Текст] / В. Ключевский. – М., 1983. – С. 17.
11. Лапкин, В. В. Вступая в новую эпоху великих потрясений [Текст] / В. В. Лапкин // Полис. – 2009. – № 1. – С. 180–184.
12. Мэнкью, Н. Г. Макроэкономист как ученый-инженер [Текст] / Н. Г. Мэнкью // Вопросы экономики. – 2009. – № 5. – С. 86–103.
13. Олейник, А. Минимизация упущенных выгод: моделирование взаимоотношений государства и бизнеса в России [Текст] / А. Олейник // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 54–55.
14. Певтиев, В. И. Межгосударственная экономическая интеграция в начале XXI века [Текст] /

В. И. Пештиев, В. А. Преображенский. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 6–7.

15. Полтерович, В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации [Текст] / В. Полтерович // Вопросы экономики. – 2009. – № 6. – С. 4–23.

16. Попов, В. Стечение обстоятельств или историческая закономерность? [Текст] / В. Попов // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 75–84.

17. Раха, Е. Есть ли у России единое экономическое пространство? [Текст] / Е. Раха, Е. Сарбашева, Е. Кетов // Общество и экономика. – 2008. – № 10–11. – С. 67–83.

18. Роднов, М. Н. Третья Россия (о крестьянстве и не только) [Текст] / М. Н. Роднов // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 167.

19. Рубинштейн, А. Дилемма экономист-теоретик [Текст] / А. Рубинштейн // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 79–80.

20. Соловьев, В. С. Соч.: в 2 т. [Текст] / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 143.

21. Шапиро, Н. Дж. М. Кейнс как завершение экономики «мейнстрима» и предшественник теоретико-методологического плюрализма [Текст] / Н. Шапиро // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 120–130.

22. Шумпетер, Й. Теория общественного развития [Текст] / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982. – С. 97, 158–159 и др.

23. Латинская Америка. – 2009. – № 5. – С. 6.

24. Le Point. – 2009, 26 mai. – № 1906. – P. 13.

25. Научные новации, как предупреждал основатель физиократизма Ф. Кенэ (1743), вызревают веками: «Науки долгое время пребывают в детстве; их прогресс представлял собой труд долгой череды веков; но даже самые объемистые и проясняющие дело труды оставляют пустоту, которую нелегко заполнить. Совершенство, кажется, удаляется по мере того, как прилагаются усилия, чтобы приблизиться к нему». Яркое подтверждение философского положения об относительности истины дает трудовая концепция стоимости и богатства (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс). Более двух столетий выдвигаются аргументы «за» и «против» основных ее тезисов, но пробелы и неясности не уменьшаются, а напротив, множатся. Сошлемся на последний, на текущий момент, обзор взглядов и

изысканий. Выясняется, что, помимо затрат производителя, надо учитывать дополнительно такие переменные факторы, как затраты потребителя, распределительные отношения, производство первичных ресурсов (земли, труда, капитала), входящих в стоимость произведенного продукта, то есть большую матрицу уравнений, с которой с трудом справляется современная линейная алгебра. См.: Бодриков, М. Классическая теория ценности: современное изучение нерешенных проблем // Вопросы экономики. – 2009. – № 7. – С. 97–118.

26. Строительство новой политэкономии, видимо, придется осуществлять «по кирпичикам», попутно преодолевая разобщение наук (естественных, технических, гуманитарных) и излечиваясь от пандемии мистики, «заразившей» многих ученых и миллионы обывателей. С нескрываемой тревогой об этих бедах пишет патриарх геоэкономики (одна из строительных конструкций новой политэкономии) Эрнест Кочетов в журнале «Безопасность Евразии»: «Мы имеем дело с новой популяцией личности – “опрокинутым человеком”, оторванным от реальной действительности, растерзанным “неэкономистами” ... Миллионы людей, вытесненные из сферы материального производства, занялись гуманитарными проблемами, соединив мистические идеи с техногенными знаниями (“неофизики”). “Неолирики” разбавляют примитивные познания в области естествознания, медицины, психологии причудливыми, экзотическими системами мировоззрения ... Мировое сообщество интуитивно вызывает к новому философскому повороту собрать растерзанного человека в единый узел и ввести его в рациональное русло, в “здоровый смысл” существования ... Битва за делового человека уже началась. Для России эта проблема сейчас № 1». См.: Кочетов, Эрнест. Принципы построения стратегии внешнеэкономического развития Российской Федерации до 2050 года (геоэкономический подход) // Безопасность Евразии. – 2009. – № 1. – С. 366.

27. Революция – это, прежде всего, террор, не имеющий оправдания. Об этом напоминал французский поэт-мыслитель Шарль Бодлер: «Toute revolution a pour corollaire le massacre des innocents». Автор с ним полностью солидарен.